

Религиоведение. 2022. № 1. С. 15–24.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 1. P. 15–24.

DOI: 10.22250/20728662_2022_1_15

Латышев Д.М.

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-кт. Ленина, 51
dmitry.latyшев@urfu.ru*

Миссия полкового священника на поле боя и православная этика в годы Отечественной войны (1812) и Первой мировой войны (1914–1918)

Аннотация. В условиях антропологического поворота в современных исследованиях конфликтов, в которых принимала участие российская армия, в область научного поиска постепенно входит «человек на войне» и его моральное поведение в бою, в условиях тотального насилия. В российской армии Нового времени военное духовенство занималось вопросами формулирования специфической этики войны, духовной поддержки военнослужащих для выполнения воинского долга. В статье на основе воспоминаний аббата Сюрюга, писем священника Н.А. Мурзакевича, мемуаров игумена Нестора (Анисимова) и других источников анализируются ценностные ориентации священников и стратегии морального поведения в бою, выявляется организация концептов этики войны в миссии на поле боя. Исследование по указанной теме позволяет выявить те ключевые стратегии, которые являются основными для ведения военных конфликтов в странах православной культуры. По результатам исследования было обнаружено, что главной миссией полковых священников считалось сохранение конфессиональной идентичности, а не только лишь участие в «священной войне» и её сопровождение, как это предписывали идеологические лозунги. Выявлено, что в условиях новых, усложнённых предписаний военному духовенству в период Первой мировой войны священники обнаруживали противоречие между идеологическими задачами, указанными в инструкциях, и этикой войны в православной культуре, где не предполагалось «укрощения масс» военнослужащих. Результаты анализа показали, что основным принципом этики войны, которым руководствовалось военное духовенство в бою, была «любовь к ближнему», через этот принцип священники осмыслили своё и чужое моральное поведение на фронте, задавали ценностные ориентиры для военных в сложных условиях. Восприятие России как центра «церкви воинствующей» являлось своеобразным идейным центром, на который опирались клирики при формулировании задач в бою через категории «смирение», «послушание» и «грех». Полковые священники использовали в осмыслении своих стратегий поведения в мемуарах и письмах концепты «упования Божьего», «Промысла Божия» и другие.

Ключевые слова: Отечественная война (1812), Первая мировая война (1914–1918), военное духовенство, полковой священник, этос священника, миссия священника, этика войны, православная культура, Русская православная церковь

Dmitrii M. Latyshev

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
51 Lenina ave., Ekaterinburg, 620051, Russia
dmitry.latyшев@urfu.ru*

Military Priest's Mission on the Battlefield and Orthodox Ethics during the Patriotic War (1812) and the First World War (1914–1918)

Abstract. In contemporary studies of conflicts in which the Russian army took part, there can be seen an escalating anthropological interest to a “man of war”, his moral behavior on the battlefield among total violence. In the regular Russian army in Modern period, a military priest was one of the main figures translating the military values and rules for warriors. Based on the sources of private origin, the paper reconstructs a mission of the military priest in battle and analyzes the structure of Orthodox ethics concepts in it. The study of this question allows to identify the key strategies that are the main ones for conducting military conflicts in countries of Orthodox culture. The author draws a conclusion that the main mission of the military priests was preservation of confessional identity, and not just the participation in the “holy war” and its support, as prescribed by state-approved slogans. It was found out that in the context of the new requirements for military clergy during the First World War (1914–1918), there were situations when the Orthodox ethics concepts were in conflict with the priest mission on the battlefield. It was revealed that the main principle of the military priest mission as representing

of the “militant church” on the battlefield was “love for one's neighbor”. The understanding of Russia as the Orthodox culture center and the perception of soldiers as “church warriors” served as the basis for the use of the category “humility” by priests in their actions, the clergy used the concepts “hope of God”, “Providence of God” and others in understanding and reflexing their actions.

Key words: Patriotic War of 1812, World War I (1914–1918), military clergy, military priest, priest's ethos, priest's mission, ethics of war, Orthodox culture, Russian Orthodox church

Введение

Современный мир характеризуется возрастанием различных видов конфликтов, вооружённых угроз и войн как форм тотального насилия [Меньшиков, 2020]. Чтобы их различать между собой, необходима некоторая классификация видов войн. Одним из оснований для качественной типологизации войн может быть нормативная стратегия поведения солдат, священнослужителей, командиров и т. д. Изучение поставленных вопросов актуально для выявления антропологических аспектов культуры войны в православии. Важные вопросы нравственных ориентаций в бою и морального поведения на фронте с позиции православной культуры сформулированы в специфической этике войны.

С позиции взаимодействия православия с другими религиями в конфликтах, где проявляются основные этические категории и ключевые концепты, и трансформации в этике войны, наибольший научный интерес представляют Отечественная война (1812) и Первая мировая война (1914–1918). Важно отметить, что в исследуемый период в силу специфических государственно-конфессиональных отношений Российской империи православная культура имела тесную связь с этикой войны.

Во время указанных конфликтов военное духовенство являлось носителем основных концептов этики войны в православной культуре и выполняло задачи духовной поддержки военнослужащих и идеологической работы с ними. Миссия полкового священника на поле боя, то есть, та основная задача, которую он ставит перед собой в данной ситуации, в т. ч. отправление культа и взаимодействие с боевыми частями, в значительной мере основывается на православной культуре [Черепанова, 2020].

Чтобы проанализировать ключевую проблему настоящего исследования о структуре концептов этики войны в миссии православного клирика в бою, в статье изучаются предписанные и реальные стратегии морального поведения на основе мемуарной литературы, личной корреспонденции и других источников личного происхождения.

Для детального исследования стратегий морального поведения военного духовенства в бою и выделения ключевых концептов в их воспоминаниях в работе был применён семиотический анализ А. Страусса и Д. Корбин вместе с методами Дж. Зигона по исследованию антропологии нравственности [Zigon, 2008, 49–64]. В эмпирических работах американского антрополога указывается, что во время конфликтов стратегии морального поведения выстраиваются в момент зазора между этическими диспозициями (предписания) и сложными обстоятельствами. Данная стратегия формируется далее, проявляя себя в формулировании базовых нравственных противоречий и принятии решения. Финальная стадия морального поведения характеризуется ликвидацией конфликта и сломом дилеммы. Имплицитные аспекты рефлексии и нравственных устремлений в этике войны выявлялись с помощью симптомологического чтения, которое разработал философ П. Боянич [Боянич, 2018].

Нами предполагается, что в миссиях полковых священнослужителей на поле боя концепты православной этики являлись важным дополнением к интерпретации войны и не входили в противоречие с предписанными стратегиями поведения на фронте.

Антрополог Б. Кнорре указывает, что ключевым понятием ценностных ориентаций на войне в православии является «Церковь воинствующая», которая прибегает к сакрализации насилия и призыву высших сил для участия в вооружённых конфликтах. Поскольку в армии сохраняются этические диспозиции приходской культуры, то основными категориями, которые применяются для формирования стратегий морального поведения являются «грех», указывающий на нежелательные

действия и высказывания противоречий, «смирение», которое применяется для выстраивания ценностных ориентаций в сложных условиях, и «послушание», которое необходимо для достижения долговременных или кратких результатов в вооружённых столкновениях. В работах Б. Кнорре утверждается, что для этики войны является важным опыт встречи со смертью, который считается очистительным и является основой для формирования стратегий поведения на поле боя [Кнорре, 2015, Кнорре, 2020; Кнорре, 2011]. Как указывал религиовед С.А. Мозговой, концепты из области космологии являются основными в этике войны, они направлены преимущественно на обожествление насилия и его оправдание в рамках вероучения [Мозговой, 2006]. При этом исследовательский сюжет, связанный с изучением концепций и принципов этики войны в православной культуре, раскрыт слабо и нуждается в серьёзном дополнении.

Работы российских историков в настоящее время нацелены на изучение военного духовенства в свете исторической визуалистики (например, исследования В. Аксенова [Аксенов, 2019], А. Скутнева [Скутнев, 2014] и других). Хотя данные труды и являются важными, тем не менее, с позиции антропологических исследований на данный момент актуально изучение этической проблематики в конфликтах.

Труды иностранных исследователей по нашей теме (например, М. Шимак [Šimas, 2018], М. Пантеа [Pantea, 2018], И. Захарии [Zaharia, 2014] и др.) в настоящее время концептуально слабо проработаны и сосредоточены преимущественно на микроисторических и биографических исследованиях. В данном случае философско-антропологические исследования являются необходимым подспорьем для дальнейшего изучения стратегий поведения представителей военного духовенства.

Методологический приоритет религиозной культуры в ценностных ориентациях и моральном поведении на войне вплетён в канву основного подхода при изучении конфликтов, который обозначен в работах Ю. Хабермаса [Хабермас, 2001].

При изучении концептов православной культуры в миссии полкового священника на поле боя нами были использованы следующие источники: письма аббата Сюрюга, личная корреспонденция священника Н.А. Мурзакевича, мемуары игумена Нестора (Анисимова) и священников Турундаевских.

Хотя письма, написанные аббатом Сюрюгом Николаю, являются искренними, они, однако, выражают его стремление показать православие в невыгодном свете [Земцов, 2013]. Чтобы преодолеть односторонность данной корреспонденции, мы дополнительно сверили её с архивными данными, которые можно найти в работах отечественных историков.

Письма священника Никифора (Мурзакевича), опубликованные в сборнике «К чести России», адресованы семье известного деятеля партизанского движения Отечественной войны 1812 года П. Энгельгардта. В одном из своих писем, которое проанализировано в настоящей статье, Н.А. Мурзакевич описывает подробно исполнение возложенных обязательств на поле боя. Впоследствии это письмо Н. Мурзакевич переписал для публикации в своих трудах с некоторыми изменениями, в сборнике «К чести России», который был нами использован для анализа, воспроизведён черновик письма.

Письма и телеграммы камчатского миссионера игумена Нестора (Анисимова), который был полковым священником в годы Первой мировой войны, были собраны, прокомментированы и опубликованы О.В. Косик [Косик, 2019]. В письмах и телеграммах Великой княгине Марии Павловне даются подробные первичные описания поведения священнослужителя на фронте.

Несмотря на то, что анализируемые нами воспоминания о священниках Турундаевских появились в 1960-е гг. и воспроизводились со слов близких родственников, по мнению историка В. Н. Матонина, данный источник считается достоверным, поскольку сведения, приведённые в нём, коррелируют с установленными фактами, а цитаты точно отображают общественные настроения периода Первой мировой войны [Матонин, 2014].

Институт военного духовенства в период нач. XIX – нач. XX вв.

Историками Л.В. Мельниковой и С.А. Мозговым [Мельникова, 2007; Мозговой, 2006] было выявлено, что генезис данного института относится к периоду

правления Петра I. Формирование должностей военного духовенства было укоренено в таких законодательных документах, как «Артикулы военные надлежащие Российскому флоту», Воинский (1716) и Морской (1720) устав. Дополнительная должность полевого обер-священника существовала лишь в военное время, к функциям данного клирика относилось управление нижестоящими по рангу иереями и судопроизводство. Указом Павла I от 4 апреля 1800 года данная должность была сделана постоянной и была отнесена к военному ведомству. Так институт военного духовенства при обер-священнике П.Я. Озерецком получил независимость и самостоятельность. Полковому священнику предписывалось совершать религиозные практики, направленные для успешных результатов в вооружённых столкновениях [Забияко, 2006]. Полковые священники не носили оружия, поскольку это было запрещено церковью, но при этом совершали воинские подвиги [Третьяков, 2006; Веремчук, 2017]. Полковой священник проповедовал военным ту область вероучения, которая была связана с почитанием особого круга святых (например, Александра Невского, Георгия Победоносца и т. д.), совершал чтение охранительных обрядов и молитв (например, «Слово Божие»), а также организовывал шествия с культовыми предметами (иконами, крестами и другими) [Мозговой, 2006]. И если богослужение, совершаемое полковым священником, мало отличалось от литургии, исполняемой мирским духовенством, то основные интерпретации смысла войны озвучивались в проповедях.

Полковые клирики осуществляли свою деятельность в тылу врага, выполняли предписания внутри института военного духовенства и также служили на фронте. Среди многообразия деятельности военного духовенства предметом нашего анализа является взаимодействие священнослужителя с солдатами на поле боя. В рамках этической проблематики миссии на поле боя полковому священнику предписывалось проповедовать, что, хотя солдат находится выше самих причин насилия и зла, он совершает «божественное» насилие для того, чтобы предотвратить причины несправедливого, эгоистического насилия. В рамках этических концепций православной культуры предполагалось, что солдат совершает «перестройку ума» (метанойю) и «перестройку души» (дианойя) [Бачинин, 2005] для осуществления насилия, которое было оправдано или освящено высшими силами, сопровождалось воинством небесным – ангелами и святыми. Этика войны в православной культуре сконцентрирована скорее на межличностных отношениях, чем на социальных, а также на концепции «обожения человека» [Зуев, 2006], например, это проявлялось в проповедях, когда полковые священники обещали солдатам во время войны, что они окажутся в раю за своё доблестное поведение.

В период Отечественной войны 1812 года полковому священнослужителю предписывалось отправлять богослужения и ритуалы, проводить беседы с солдатами (примером является «Сборник кратких христианских поучений к воинам» [Мансветов, 1828]) и оказывать поддержку больным [Воинский устав, 1716].

За несколько месяцев до начала Первой мировой войны к числу привычных обязанностей иерея проводить ритуалы и беседовать с военными были добавлены:

- духовное окормление раненых и больных на фронте;
- устройство воинских некрополей;
- создание походных библиотек [Карцева, 2014].

С 1915 года военным священникам поручалась идеологическая работа с военнослужащими, а именно «проповедовать на современные, затрагиваемые обстоятельствами времени темы, освещая с патриотической и религиозной точек зрения события общественной, государственной и военной жизни» [Руководственные указания, 1916].

Таким образом, можно наблюдать динамику в отношении предписаний полковым священникам в сторону увеличения обязательств. При этом можно заметить, что приведённые указания были применимы ситуации, когда проводилось наступление. Стратегии морального поведения иереев во время оборонительных боев и в плену в предписаниях не рассматривались, тем не менее, некоторые воспоминания указывают на основные концепты и принципы этики войны, которые священники применяли в сложных условиях.

Концепты православной этики в миссии полкового священника на фронте в годы Отечественной войны

В воспоминаниях аббата иезуита А. Сюрюга представлен яркий и детализированный пример поведения полкового священника на фронте Отечественной войны. В его мемуарах встречается описание священника кавалергардов Михаила Гратинского, который, попав в плен, принял решение совершать богослужения и ритуалы в занятой французами Москве.

Основная моральная дилемма, которую должен был решить полковой священнослужитель, состояла в следующем: ему необходимо было либо подчиниться французским войскам, не осуществляя никаких богослужений, либо поддерживать разорённые врагом приходы. Моральный выбор священнослужителя был основан на убеждении в необходимости утешения верующих и сохранения религиозной общины, он решил провести богослужение в ситуации, когда остальные священники отказывались совершать литургии, боялись грабежей культовых сооружений и т. п. Аббат Сюрюг так описывал поступок полкового священника: «Комендант площади <...> велел ему не менять ни слова на своей обычной литургии и продолжать молиться за Александра I, своего законного государя. Соответственно, священник повелел отпраздновать богослужение <...>. Народ толпами подбежал к церкви, проявил величайший пыл, и <...> там по этому случаю пели “Тебе, Боже”» [Surugue, 1909].

Мотивами такого нравственного поведения можно назвать стремление к сохранению прихода, некоторого единства верующих, сохранение религиозной идентичности и утешение верующих в трудных условиях фронтовой повседневности. Михаил Гратинский, будучи в оккупированной Москве, поставил себе задачи, свойственные невоенному духовенству и значительно отличающиеся от нормативных предписаний. После совершения богослужения полковой клирик считал, что война уже не является оборонительной, а полагал, что вооружённые действия приведут к победе русских войск. Молитвы, читаемые священником, воспринимались не столько как направленные на укрепление боевого духа в условиях оккупации, сколько как приближающие победу в войне. С этим были связаны его молебствия о русском оружии [Мельникова, 2007]. Снисходительное отношение к религии, которое практиковалось в армии Наполеона, стало неожиданным для священника, который, согласно православной этике войны, представлял вражескую армию как воинство «безбожников», «антихристов», сокрушающих святыни «православного Отечества». В условиях оккупации такой конфликт интерпретаций, поддерживаемый идеологией войны и осмыслением её целей в русле православной культуры, актуализировался и был приспособлен к условиям режима оккупации, героическим действиям среди врагов, и соответственно, моральный выбор полкового священнослужителя был основан на убеждении в необходимости утешения верующих и сохранения прихода.

Другой случай поведения полкового священнослужителя на фронте подробно описан в письме полкового клирика Н.А. Мурзакевича к Е.А. Энгельгардт, жене известного деятеля партизанского движения, после похорон её мужа.

В своём письме Н.А. Мурзакевич пишет, что во время взятия французами Смоленска П.И. Энгельгардт поручил ему совершить таинства исповедания и причащения для французских военнопленных и также партизан. Священнослужитель исполнил данную просьбу «для утешения и утверждения в непоколебимом уповании на милость Божию» [Ж чести, 1988, 187–189], тем самым существовавшая моральная дилемма (совершить таинства для военнопленных или отказаться проводить ритуалы) была замещена отсылкой к «Промыслу Божию». Моральный выбор священнослужителя был основан на понимании военнопленных как «христиан», которые стали жертвой эгоистических интересов, а партизан как воинов, которые защищали Отечество – центр «православной культуры». Аналогичным образом священнослужитель решал и последующие дилеммы такого рода, оставаясь верным своим обязанностям, когда он выбирал между православной культурой и фронтовой повседневностью. Н.А. Мурзакевич пишет, что после расстрела П.И. Энгельгардта восемнадцатью французскими спекуляторами² он начал отпевать погребение вопреки ожиданиям спекуляторов «сбросить труп в яму». Моральный выбор священнослужителя был продиктован концептом «христианского долга», поскольку он

был возмущён действиями противника: «...не успел я долг христианский кончить, и спекуляторы раздели его донага и ничком в 3 четверти в выкопанную яму вбросили, а окровавленную одежду и обувь разделили себе» [К чести, 1988, 187–189].

Таким образом, во время Отечественной войны основными категориями в миссии полкового священника на поле боя были смирение и послушание. Эти категории были основой для таких стратегий поведения полковых священников на поле боя, как утешение верующих в оккупированной Москве (М. Гратинский), причащение святыми таинствами партизан и военнопленных французов (Н. Мурзакевич). В условиях доминирования категории послушания полковые священники в объяснении своих действий на поле боя использовали концепты «Промысла Божия», «упования на милость Божию». Когда в миссии на поле боя основную роль в образовании этических суждений играла категория смирения, то композиция концептов православной культуры менялась в другую сторону, для объяснения своих поступков клирики использовали такие концепты, как «Отечество центр православной культуры», «единство воинов церкви», «христианский долг» и т.д. Основной принцип для стратегий поведения на поле боя полковыми священниками в письменных источниках не зафиксирован, можно предположить, что этим принципом была «любовь к ближнему», которая и предопределяла решение возникавших моральных дилемм священнослужителями.

Концепты православной этики в миссии полкового священника на поле боя в годы Первой мировой войны

В воспоминаниях игумена Нестора (Анисимова) содержатся детализированные описания действий полковых клириков в годы Первой мировой войны. В своих мемуарах священнослужитель демонстрирует, что наиболее важным для него в поведении на поле боя были концепты «любви к ближнему», «православного Отечества», которые были значимыми для него в решении моральных дилемм и осуществлении морального выбора в пользу утешения солдат, претерпевающих мучения, «воинов-страстотерпцев»: «Не раз доводилось мне смотреть в глаза смерти и под градом пуль, среди рвущихся с оглушительным грохотом фугасов и снарядов утешать напутственной молитвой умирающих русских воинов-страстотерпцев, а раненым облегчать страдания медицинской помощью. Любовь к ближнему и к Родине побеждала, заглушала во мне вспышки страха перед смертью и человеческими страданиями» [Косик, 2019].

Также в мемуарах полковых клириков описывались и случаи, когда концепты православной этики входили в противоречие с предписаниями деятельности клириков на поле боя, поскольку свою миссию священнослужители выстраивали по-другому, выполняя необходимые предписания лишь частично.

Например, в воспоминаниях Афинадора Турундаевского моральная дилемма была представлена в противоречии: оказывать полноценную духовную поддержку «воинам христовым» с проповедями и литургиями или совершать немногочисленные праздничные богослужения: «...Служу обедни по праздникам, и больше от меня никакого дела нет. Проповедями сроду не занимался. Считаю, что они во фронтовой обстановке не нужны. Наша задача – поддержать настроение солдат верой. А как поддержать? – Мудрено... Так вот я и решил: лучше ничего не говорить. Отслужил – да и набок... Мы – попы – нужны царю батюшке как укротители волнующихся масс. Господь, прости мне мои сомнения, мои согрешения!» [Матонин, 2019].

В моральном выборе клирика имелся вариант частичного выполнения предписанных стратегий поведения, к которому он и обратился. Священник отправлял богослужения без агрессивных проповедей, поскольку считал их ненужными для военных. Данная стратегия морального поведения клирика была обоснована тем, что он исправлял требы для ополчения, которое не было причастно православной этике войны. Поражения 1915 года привели к тому, что часть военных перестала понимать основные задачи войны, стала считать её ненужной, это обстоятельство побудило священника воспринимать воинственные проповеди как «греховные». Как указывают М. Пантеа и Г. Фриз, задачи полковых священников и солдат также сильно расходились между собой вследствие революционных изменений в обществе и неприятия на фронте националистических идей [Pantea, 2018; Фриз, 2015].

В данном случае можно наблюдать, что важный этический принцип «любовь к ближнему» являлся основой морального поведения священника на поле боя. Действия священнослужителя в бою осмыслились сквозь призму категории православной этики «смирение», когда идеологическая интерпретация войны и его задачи в бою соответствовали друг другу. В ситуации непонимания военной кампании клирик осмыслил свои действия на фронте как «греховные», не соответствующие православной культуре. При формулировании оправдания насилия на войне категория «смирения» подкреплялась концептами «православного Отечества», которое требует защиты и исполнения воинского долга, «аскетического очищения» война перед достойной смертью в бою, «воинов-страстотерпцев», которые считаются обладающими святостью «церкви воинствующей», принимающими мученическую смерть с оружием. В приведённых воспоминаниях можно наблюдать, что категория «греха» применяется клириком для формулирования противоречий в понимании войны, особенно она применяется в момент осознания нежелательности «укрошения масс», которое, с одной стороны, противоречит пониманию войны в православной культуре, но с другой стороны, с позиции идеологии считается возможным способом мобилизации военнослужащих для достижения победы.

Заключение

Таким образом, можно установить, что принцип православной этики «любовь к ближнему» являлся основой для осмысления клириками своих действий в бою. Указанный принцип был связан с концептом «церковь воинствующая». И если идеология войны показывала полковых священников как героев на поле боя, что также отражено и в некоторых военных мемуарах, то анализ нешаблонных описаний событий в мемуарах священнослужителей показывает, что они скорее стремились к «аскетическому» поведению, поскольку основной категорией православной этики в их осмыслении войны было «смирение», с которым было связано восприятие солдат как «воинов церкви». Россия же воспринималась как центр православной культуры. В некоторых случаях основной категорией было «послушание», тогда клирик полагался на такие концепты православной культуры, как «упование Божье», «Промысел Божий» и т. д. И если солдаты могли осмысливаться полковыми священниками как мученики, «воины-страстотерпцы», то для полковых клириков осмысливать свои действия в категории «мученичества» было несвойственно.

В случае применения новых предписаний для полковых священников в годы Первой мировой войны наблюдались прецеденты (в отличие от периода Великой Отечественной войны), когда концепты православной этики входили в противоречие с военной идеологией. На фоне этого противоречия между совершением богослужения и «укрошения масс», как показывает пример священнослужителей Турундаевских, действия священнослужителей осмыслились в рамках категорий «греха», «вины» (например, восприятие солдат как «сообщества верующих» – и в то же время «укрошаемых масс»).

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00240)

Acknowledgment

The study was carried out with the financial support of the Russian Scientific Foundation (research project № 20-18-00240)

Библиографический список

1. Аксенов, В. Народная религиозность и образы духовенства в годы Первой мировой войны и революции / В. Аксенов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2019. – № 1–2. – С. 272–303.
2. Бачинин, В.А. Христианская этика / В.А. Бачинин // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005. – С. 264–265.
3. Боянич, П. Насилие и мессианизм / П. Боянич. – Екатеринбург-Москва: «Кабинетный учёный», 2018. – 224 с.

4. Веремчук, В.И. Религия и военная служба / В.И. Веремчук // Энциклопедический словарь социологии религии. – СПб.: Платоновское философское общество, 2017. – С. 286–288.
5. Забияко, А.П. Военные культы / А.П. Забияко // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 210–211.
6. Земцов, В.Н. Отечественная война 1812 года: 200 лет поиска истины / В.Н. Земцов // «И вечной памятью двенадцатого года...»: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию Отеч. войны 1812 г., Екатеринбург, 14–15 декабря 2012 г. / Под общ. ред. Е.Е. Приказчиковой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 175–187.
7. Зуев, Ю.П. Православная этика / Ю.П. Зуев // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – Москва: Академический проект, 2006. – С. 791–792.
8. Карцева, Н.П. Военное духовенство в национальных формированиях русской армии в 1914–1917 годах / Н.П. Карцева // Вестник Пермского университета. – 2014. – № 3 (26). – С. 143–148.
9. Кнорре, Б.К. Категории «вины» и «смирения» в системе ценностей церковно-приходской культуры / Б.К. Кнорре // Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / Под ред. А. Агаджаняна и К. Русселе. – М.: Весь мир, 2011. – 368 с.
10. Косик, О.В. Священник на войне. Письмо игумена Нестора (Анисимова) Великой княгине Марии Павловне / О.В. Косик // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской православной церкви. – 2019. – № 88. – С. 101–115.
11. Латышев, Д.М. Образ полкового священника на страницах газеты «Уральский рабочий» 1924 года / Д.М. Латышев // Материалы V международной научной конференции (19–20 ноября 2020 года, г. Минск) «Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития». – Минск: Четыре четверти, 2020. – С. 320–323.
12. Мансветов, Г.П. Краткие христианские поучения для воинов, сказанные в церкви Успения Божией Матери, при Ширванском пехотном полку, состоящем в 24-й дивизии, в 1810 и 1811 гг. в Дубне и Старо-Константинове / Г.П. Мансветов. – СПб., 1828. – 160 с.
13. Матонин, В.Н. Записки Александра Анатольевича Турундаевского: вологодские священники на германском фронте (1914 – 1918 гг.) / В.Н. Матонин [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. – 2014. – № 3. – URL: <http://langpsy.ru/journal/2014/2/Matonin.phtml> (дата обращения 05.02.2021).
14. Мельникова, Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская православная церковь: дис... канд. ист. наук / Л.В. Мельникова. – М., 2002. – 202 с.
15. Меньшиков, А.С. Тотальное насилие: этика войны в контексте теории Модерности / А.С. Меньшиков // Материалы V международной научной конференции (19–20 ноября 2020 года, г. Минск) «Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития». – Минск: Четыре четверти, 2020. – С. 320–323.
16. Мозговой, С.А. Религия и вооруженные силы / С.А. Мозговой // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 874–875.
17. Н.А. Мурзакевич – Е.А. Энгельгардт // К чести России. – М.: «Современник», 1988. – С. 187–189.
18. Руководственные указания духовенству действующей армии. – Петроград: Электро-типография Б. Ю. Рабиновича, 1916. – 58 с.
19. Скутнев, А.В. Социальный портрет крестьянина, священника и исправника периода Первой мировой войны / А.В. Скутнев // Вестник архивиста. – 2014. – № 4. – С. 149–162.
20. Третьяков, А.В. Религиозные войны / А.В. Третьяков // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 870–872.
21. Фриз, Г.Л. Война и реформа: Российская православная церковь в годы Первой мировой войны, 1914–1917 годы / Г.Л. Фриз // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2015. – № 1. – С. 96–116.
22. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – 382 с.
23. Цыпин, В. Военная служба / В. Цыпин // Православная энциклопедия. Москва: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2005. – Т. 9. – С. 149–153.
24. Черепанова, Е.С. Переживание смерти на войне: экзистенциальная трактовка связи нравственных ценностей и религиозной культуры / Е.С. Черепанова // Материалы V международной научной конференции (19–20 ноября 2020 года, г. Минск) «Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития». – Минск: Четыре четверти, 2020. – С. 320–323.
25. Чимаров, С.Ю. Исторический опыт воинского и духовного подвижничества православных священнослужителей в Отечественной войне 1812 г. / С.Ю. Чимаров // Управленческое консультирование. – 2012. – № 2. – С. 219–227.

26. Чудецкая, К.А. Российское законодательство XVIII – первой половины XIX века о военном духовенстве сухопутных войск / К.А. Чудецкая, Л.А. Лушин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 39–44.
27. Chirkov, V. Russian Orthodoxy and Human Motivation: The Categories of ‘Sin’, ‘Humility’, and ‘Obedience’ in the Context of Human Agency and Autonomy / V. Chirkov, B. Knorre // Journal of Psychology and Christianity. – 2015. – Vol. 34. – № 1. – P. 35–37.
28. Pantea, M.A. Preoți militari bănațeni pe fronturile Marelui Război // Anuarul Institutului de Istorie “George Barițiu” din Cluj-Napoca / M.A. Pantea. – 2018. – T. LVII. – P. 173–183.
29. Šimac, M. “Dušni blagor” soške armade: oris duhovne oskrbe na soškem bojišču 1915–1917 / M. Šimac // Studia Historica Slovenica. – 2018. – № 3. – P. 18–25.
30. Surugue, A. Mil huit cent douze. Les Français à Moscou / A. Surugue / Publ. par le R.P. Libercier. – Paris, 1909. – 72 p.
31. Zaharia, I. Romanian Military Priests from Austria-Hungary on the Italian Front during World War I / I. Zaharia // Transylvanian Review. – 2014. – № 23 (4). – P. 43–53.
32. Zigon, J. Morality: an anthropological perspective / J. Zigon. – New York: Berg Publishers, 2008. – 187 p.

Текст поступил в редакцию 06.10.2021.

Принят к публикации 24.01.2022.

Опубликован 29.03.2022.

¹См. подробнее [Латышев, 2020].

² Палачи.

References

1. Aksenov V. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion and church in Russia and abroad], 2019, no. 1–2, pp. 272–303 (in Russian)
2. Bachinin V.A. *Religiovedenie. Enciklopedicheskij slovar* [Study of religion. Encyclopaedical dictionary]. St. Petersburg: Mihajlov V.A. Publ., 2005, pp. 264–265 (in Russian).
3. Boyanich P. *Nasilie i messianism* [Violence and messianism]. Ekaterinburg-Moscow: “Kabinetnyj uchenyj”, 2018, 224 p. (in Russian).
4. Cherepanova E.S. *Materialy V mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii “Intellektual'naya kul'tura Belarusi: duhovno-nravstvennye tradicii i tendencii innovacionnogo razvitiya”* [Proc. of the 5th International scientific conference “Belarus intellectual culture: spiritual and moral traditions and innovational development tendencies”]. Minsk: Chetyre chetverti publ., 2020, pp. 320–323 (in Russian).
5. Chimarov S.Yu. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting]. 2012, no. 2, pp. 219–227 (in Russian).
6. Chirkov V., Knorre B. Russian Orthodoxy and Human Motivation: The Categories of ‘Sin’, ‘Humility’, and ‘Obedience’ in the Context of Human Agency and Autonomy. *Journal of Psychology and Christianity*. 2015, vol. 34, no. 1, pp. 35–37.
7. Chudetskaya K.A., Lushin L.A. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* [Law science and practice: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2018, no. 4 (44), pp. 39–44 (in Russian).
8. Cypin V. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox encyclopedia]. Moscow: CNC “Pravoslavnaya enciklopediya” Publ., 2005, vol. 9, pp. 149–153 (in Russian).
9. Friz G.L. *Vestnik TvGU. Seriya “Istoriya”* [TvSU Bulletin. Series “History”]. 2015, no. 1, pp. 96–116 (in Russian).
10. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative interaction]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2001, 382 p. (in Russian).
11. *K chesti Rossii* [For Russia's honor]. Moscow: “Sovremennik” Publ., 1988, pp. 187–189 (in Russian).
12. Karceva N.P. *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Bulletin]. 2014, no. 3 (26), pp. 143–148 (in Russian).
13. Knorre B.K. *Prihod i obshchina v sovremenom pravoslavii: kornevaya sistema rossijskoj religioznosti* [Parish and community in modern Orthodox church: root system of Russian religiosity]. Ed. by A. Agadzhanyan, K. Russele. Moscow: Ves' mir publ., 2011, 368 p. (in Russian).
14. Kosik O.V. *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj pravoslavnoj cerkvi* [PSTGU Bulletin. Series II: History. Russian Orthodox church history]. 2019, no. 88, pp. 101–115 (in Russian).
15. Latshev D.M. *Materialy V mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii “Intellektual'naya kul'tura Belarusi: duhovno-nravstvennye tradicii i tendencii innovacionnogo razvitiya”* [Proc. of the 5th International science conference “Belarus intellectual culture: spiritual and moral traditions and innovational development tendencies”]. Minsk: Chetyre chetverti Publ., 2020, pp. 320–323 (in Russian).
16. Mansvetov G.P. *Kratkie hristianskie poucheniya dlya voinov, skazannye v cerkvi Uspeniya Bozhiej Materi, pri Shirvanskom pekhotnom polku, sostoyashchem v 24-j divizii, v 1810 i 1811 gg. v Dubne i*

- Staro-Konstantinove* [The precise Christian teachings told in the Repose of the Virgin Church for 24th Shirvan infantry division in 1810 and 1811 in Dubna and Staro-Konstantinov]. St. Petersburg, 1828, 160 p. (in Russian).
17. Matonin V.N. *Yazyk i tekst* [Language and text]. 2014, no. 3. Available at: [http:// langpsy.ru/journal/2014/2/Matonin.phtml](http://langpsy.ru/journal/2014/2/Matonin.phtml) (accessed: February 5, 2021) (in Russian).
18. Mel'nikova L.V. *Otechestvennaya vojna 1812 goda i Russkaya pravoslavnaya cerkov'* [The Patriotic War of 1812 and the Russian Orthodox church. Ph. D. Thesis in History]. Moscow: MSU Publ., 2002, 202 p. (in Russian).
19. Men'shikov A.S. *Materialy V mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Intellektual'naya kul'tura Belarusi: duhovno-nravstvennye tradicii i tendencii innovacionnogo razvitiya"* [Proc. of the 5th International scienceconference "Belarus intellectual culture: spiritual and moral traditions and innovational development tendencies"]. Minsk: Chetyre chetverti publ., 2020, pp. 320–323 (in Russian).
20. Mozgovoj S.A. *Religiovedenie. Enciklopedicheskij slovar'* [Study of religion. Encyclopaedical dictionary]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2006, pp. 874–875 (in Russian).
21. Pantea M.A. *Historical Institute "George Barițiu" in Cluj-Napoca bulletin*. 2018, vol. LVII, pp. 173–183 (in Romanian).
22. *Rukovodstvennye ukazaniya duhovenstvu dejstvuyushchej armii* [Main prescriptions for military clergy]. Petrograd: B.Yu. Rabinovich' Electro-publ., 1916, 58 p. (in Russian).
23. Simac M. *Studia Historica Slovenica*. 2018, no. 3, pp. 18–25 (in Romanian).
24. Skutnev A.V. *Vestnik arhivista* [Archivist bulletin]. 2014, no. 4, pp. 149–162 (in Russian).
25. Surugue A. *1812. The French in Moscow* [Mil huit cent douze. Les Français à Moscou]. Paris, 1909, 72 p. (in French).
26. Tret'yakov A.V. *Religiovedenie. Enciklopedicheskij slovar'* [Study of religion. Encyclopaedical dictionary]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2006, pp. 870–872 (in Russian).
27. Veremchuk V.I. *Enciklopedicheskij slovar' sociologii religii* [Sociology of religion encyclopaedical dictionary]. St. Petersburg: Platonovskoe filosofskoe obshchestvo Publ., 2017, pp. 286–288 (in Russian).
28. Zabiya A.P. *Religiovedenie. Enciklopedicheskij slovar'* [Study of religion. Encyclopaedical dictionary]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2006, pp. 210–211 (in Russian).
29. Zaharia I. Romanian Military Priests from Austria-Hungary on the Italian Front during World War I. *Transylvanian Review*. 2014, no. 23 (4), pp. 43–53.
30. Zemcov V.N. *"I vechnoj pamyat'yu dvenadcatogo goda...": materialy Vseros. nauch. konf., posvyashch. 200-letiyu Otech. vojny 1812 g., Ekaterinburg, 14–15 dekabrya 2012 g.* ["And the eternal memory of 1912...": Proc. of the All-Russian Science Conference, dedicated to the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812, Yekaterinburg, December 14–15, 2012]. Ed. E.E. Prikazchikova. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013, pp. 175–187 (in Russian).
31. Zigon J. *Morality: an anthropological perspective*. New York: Berg Publishers, 2008, 187 p.
32. Zuev Yu.P. *Religiovedenie. Enciklopedicheskij slovar'* [Study of religion. Encyclopaedical dictionary]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2006, pp. 791–792 (in Russian).

Submitted for publication: October 06, 2021.

Accepted for publication: January 24, 2022.

Published: March 29, 2022.